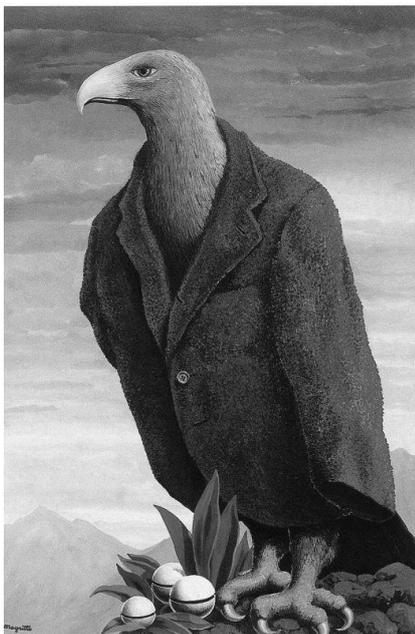

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА СОЦИАЛЬНОГО И ПРИРОДНОГО УНИВЕРСУМОВ

Александр Ральчук

Р. Магритт. Настоящее

Человечество еще имеет шансы предотвратить угрозу самоуничтожения цивилизации, которую оно само создало и в ней с апломбом пока живет, если начнет осмыслять ряд простых, но основополагающих вещей: во что превращается мир, масштабно преобразуемый и гламурно ретушируемый многими безответственными прихотями человека? не становится ли он чужим самому себе? что человечеству необходимо для налаживания отношений с миром и внутри социума? какие этому должны соответствовать глобальная этика и общественное устройство?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ XX ВЕКА И ЕЁ СИНДРОМЫ

30-е годы XX века на фоне тектонических социально-политических сдвигов, среди которых, в первую очередь, выделяются парадное шествие национал-социализма в Германии и построение социализма в СССР, ознаменовались двумя иными знаковыми событиями – интеллектуальным и экономическим¹. Совпадение событий во времени, как теперь становится ясно, не было хронологической случайностью, а обозначало некий новый статус, обретаемый глобальным социумом. Статус соответствовал выходу человечества на еще невиданные по претензиям, интенсивности, глубине и масштабам параметры его деятельности на новых горизонтах бытия, когда прежняя,

¹ Описание эпохи было бы неполным, если не учитывать и философскую «событийность». Это – *фундаментальная онтология*, представленная М. Хайдеггером, которая давала новое понимание задач и возможностей философии – как мыслить, так и действовать – в их предопределенности *первым* или *вторым* началами [38; 40]. При том, что, по Хайдеггеру, миссия человека «быть пастырем бытия» сопрягается со вторым началом, человечество со времён «досократиков» (VII–V века до н. э.) пошло по пути первого начала. Начала, связанного с принудительным и неосмотрительным изменением мира и себя в нём с потерей их органичной идентичности. Начала, социумом неощутимого, но ведущего цивилизацию к всё большему неопределенности, противоречивости, перманентной *кризисности* [29]. В этом отношении фундаментальная онтология, по сути, становится незаменимой и, обычно, неосознаваемой *герменевтикой*, необходимым «разъяснителем» тех цивилизационных проблем, которые не могут быть поняты только из самих себя – в том числе и рассматриваемых в настоящей работе.

не предвещавшая каких-либо неожиданностей и в целом надежная логика поведения, начала давать внезапные сбои.

В познавательной, интеллектуальной сфере сбой точно датировался 1931 годом, когда австрийский логик и математик К. Гёдель в работе «О формально неразрешимых предложениях *Principia Mathematica* и родственных систем I» сформулировал ряд важных теорем [16]. Они показали *некорректность* дотоле несомненной (как полагали) возможности абсолютно точного описания математических объектов и систем, а, отсюда, шире – и объектов и систем реального мира, *универсума*². Среди них две имеют особое значение – *первая* и *вторая теоремы* Гёделя. Предельно проясняя и популяризируя формальный аппарат теорем и актуализируя их смысл при том условии, что в них идет речь о попытках с позиций некой первой системы (сознания, культуры, языка) описать (определить, понять, управлять) другую систему (сознание, культуру, язык), причем более сложную, чем первая, теоремы можно интерпретировать таким образом.

Из первой теоремы следует, что попытка описать вторую систему с позиций первой приводит или к *неполным* (упрощенным), но и *непротиворечивым*, или к *полным* (сложным), но и *противоречивым* характеристикам второй системы. Вторая теорема – обычно рассматриваемая как следствие первой – показывает, что полное и непротиворечивое описание любой системы возможно только посредством более сложной, чем она, системы (метасистемы)³. Опять предельно проясняя формальную сторону проблемы, но актуализируя смысловую, теоремы можно проиллюстрировать следующим мысленным экспериментом. Пусть есть условный человек с «упрощенным» сознанием (и культурой) и другой человек, со «сложным» сознанием (и соответствующей ему развитой культурой). Первый человек знает второго лишь заочно –

² Дадим через антоним некорректности – *корректность*, широкую дефиницию часто и в разных контекстах использованию в данной работе этого термина. Под корректностью будем понимать некую органичность, правильность, согласованность, соответствие в каждой конкретной ситуации. Здесь же дадим определение *универсума* (от лат. *universum, summa rerum*) как всей реальности во времени и пространстве. Реальность универсума сопрягается с его конкретизацией – *природный* (вся природа в диапазоне от неживой до живой) и *социальный* (человечество, социум, общество, причем общество как «система коммуникаций» – Н. Луман) универсумы.

³ Что значительно позже, уже в рамках кибернетики, оформилось как закон *необходимого разнообразия* (закон У.Р. Эшби) [45, с. 294]. Сложность же в общем случае понимается нами как наличие в какой-либо системе (подсистеме) достаточно большого количества элементов со многими степенями свободы при их нелинейном поведении [21, с. 29].

«по делам его» в интерпретации других людей, но интуитивно представляя его личностные масштабы. Тогда первый человек будет судить о втором «в чистом виде» или упрощенно-понятно, или, как бы спохватываясь и воздавая ему должное, сложно и фантастически-запутанно ⁴.

Приведенный мысленный эксперимент ведет к пониманию двух взаимосвязанных вещей. Во-первых, это *эпистемология*. В эпистемологическом ракурсе здесь открылась невозможность полной формализации систем, их однозначного и корректного описания, причем не только в математике – для чего, собственно, теоремы и предназначались (крах программы Д. Гильберта полной формализации математики), но и значительно шире – в мире, универсуме – природном и социальном – вообще. Стало понятно, что и природа, и человек в своем строении и поведении значительно сложнее и богаче, чтобы поддаваться какому-либо однозначному определению. В частности, основываясь на доказательстве теоремы Гёделя о неполноте, Н. Бор сформулировал *принцип дополнительности* применительно к квантовой физике: для того, чтобы адекватно описать физический объект, относящийся к микромиру, его необходимо представлять во взаимоисключающих, «дополнительных», системах описания, в данном случае одновременно и как частицу, и как волну.

В более широком плане, теоремы К. Гёделя послужили одним из оснований перехода от классической науки к неклассической, а от неё – к постнеклассической науке. Определяющим в переходе был тренд последовательного усложнения целевых интенций и возможностей наук. Так, *классическая наука* полагала существование абсолютной истины и «гарантированность» её постижения вне зависимости от какой-либо конкретной исследовательской технологии. *Неклассическая* уже исходила из представлений о «срезах» истины, обусловленных использованием тех или иных исследовательских технологий. И, наконец, *постнеклассическая наука* добавила к этому за-

⁴ «Упрощенный человек» – по сути, двойная антитеза *чувствующей статуи Кондильяка*. Это гипотетическое существо, придуманное в XVIII веке Э. де Кондильяком, устроенное внутри и снаружи как человеческое тело, однако исходно никогда не ощущавшее и не мыслившее, но постепенно приобретающее и увеличивающее такие возможности. Антитезовость действует и в отношении того, что здесь ставятся общие пределы сложности человеческого понимания (они не безграничны), и в том отношении, что пределы конкретного человека предопределены, а не могут произвольно подниматься. Всё это определяется соотносительностью с существующим общим уровнем сложности нашего универсума, имеющего тенденцию замедляющегося *эволюционного усложнения* [50].

висимость «срезов» истины от трансцендентных ценностно-целевых структур человека-исследователя [33].

Во-вторых, – это *онтология*, как учение о бытии, точнее, в общих чертах уже представленная фундаментальная онтология Хайдеггера с заложенным в ней герменевтическим потенциалом. Потенциал определяется её уровневой структурой и сполна действует для другого начала. Это объясняется тем, что мыслить и, соответственно, действовать, человечество может в одном из двух альтернативных философских «регистров» – *первого* или *другого* (второго) начал [40]. Начала различаются количеством уровней, что определяет их «разрешающие способности». Первое – содержит два уровня: *онтический* (практическое мышление, философии здесь в строгом смысле слова еще нет) и *онтологический*, или *метафизический* (тут уже действует философское мышление). Другое начало надстраивает над ними третий – *фундаментально-онтологический* уровень⁵. Оба начала одинаково связаны со стремлением понять бытие как одну из базовых категорий в философии, но представляют они его по-разному. Первое начало, не будучи в состоянии адекватно понять трансцендентное бытие, видит его «отсюда» – на онтологически-метафизическом уровне как общую основу множества уже наличествующих вещей/сущих на онтическом уровне (бытие/*Sein* – нем.). Это формирует характерное для начала утилитарно-рациональное, или «горизонтальное» мышление относительно любого сущего.

⁵ Подобное надстраивание, в сущности, есть *метасистемным переходом* – понятием, введенным В. Турчиным для описания эволюции разноплановых систем: как идеальных, так и материальных [34]. В его основе лежит взаимодействие подсистем двух уровней – нижнего (уже существующего) и верхнего (формирующегося). Подсистема нижнего уровня, выполняющая в системе некие функции, достигает предела своих возможностей и средствами этого уровня уже не может быть усовершенствована. Поэтому силами *творческой эволюции* (почти как у А. Бергсона), её порыва, создается новая подсистема верхнего уровня. Новая подсистема открывает и новые возможности, как для себя, так и для всей системы, позволяя нижней подсистеме продолжать функционировать там, где она продуктивна и корректна в своих действиях. Здесь, с позиций метасистемного перехода, выразительно действуют два аспекта. Во-первых, в ракурсе философии, это означает, что фундаментально-онтологический уровень не «отменяет» нормально функционирующих в своих пределах на втором уровне, к примеру, диалектику Г. Гегеля или многозначную логику Я. Лукасевича. Во-вторых, в более широком плане, метасистемный переход определяет процесс органичного развития цивилизации. Это – надстраивание нового над старым с необходимым переформатированием, модификацией старого с продолжением выполнения им релевантных ему продуктивных действий (подобно творческому, созидательному разрушению – по Й. Шумпетеру). Такое цивилизационное надстраивание (повторяющее, кстати, эволюционное развитие живых организмов) противостоит *управляемой деструкции* (А. Неклесса), *инновационной истории* (В. Кутырёв), неугомонности стартапов, использующих всё «прежнее», в лучшем случае, как расходный материал для проектов, зачастую устремленных в НИКУДА.

Такая неадекватность представления бытия, ведущая в конечном итоге к *нигилизму* и *произволу* в *мышлении* и *поведении* социума преодолима только в другом (втором) начале философии ⁶. В нём бытие понимается «оттуда» – от фундаментально-онтологического уровня – как некой недоступной для нас трансцендентной «родины», откуда всё сущее (на онтическом уровне). Поэтому другое начало не столь самоочевидно и доступно как ложное понимание бытия в рамках первого начала, а требует рискованного «прыжка» осмысления, на что способны немногие. Другое начало – это уже бытие/*Sein* (нем.). Оно формирует иное – «вертикальное» мышление/мировоззрение, открытое одновременно и в направлении трансцендентного бытия, и сущего как таковых. Т.е. другое начало по-гегелевски «снимает», «подчиняет» себе первое начало, открывая для человека возможность неконфликтно «строить, жить, мыслить» (Хайдеггер) в надлежащем для него мире, придерживаясь незаметных для него «шифров бытия» (К. Ясперс).

Жизнь социума, даже бесконечно далекого от философии, со времен «досократиков» идет исключительно в тренде первого начала. Она была бы вполне благополучной, если бы в мировоззренческом контексте – пусть человечеством и не осознаваемом, но являющимся «тканью» высокой мировой культуры – дополнительно опиралась на второе начало. Однако вне этой опоры жизнь социума становится предначертано пагубной, конфликтной, что теперь становится всё более заметным, несмотря на то ли системные, то ли спорадические усилия мирового сообщества изменить к лучшему нарастающую ситуацию цивилизационной кризисности ⁷.

Поскольку в постнеклассической науке действуют трансцендентные ценностно-целевые структуры, когерентные третьему уровню фундаментальной онтологии, то эпистемологически постнеклассика не может не корреспондировать с мировоззренческими универсалиями фундаментальной онтологии ⁸. В постнеклассике начинает пониматься некорректность (и ущербность) прежней познавательной (и практической)

⁶ Подобный комплекс человеческих свойств был собран воедино Ф. Ницше в его концепте «воли к власти» [23].

⁷ «.. происходящее ныне – это всеобщая эволюционная трансформация ... – эра макросдвига ... Его движущая пружина – технология, ... но создаваемые им стрессы и конфликты имеют экономическую, социальную и политическую природу и не имеют чисто технологических или военных решений» [20, с. 12].

⁸ См.: «Если ... наука, выходя за пределы "правильного", приходит к истине и, таким образом, к существенному обнажению сущего как такового, она есть философия – в той мере, в какой она приходит к истине» (М. Хайдеггер).

позиции человека. Эту позицию можно охарактеризовать как *монологическую*, прежде всего не в том представлении, что здесь первая («познающая») система относительно второй («познаваемой») исходно действует активно-предписывающим образом, а в некотором другом, более глубоком смысле⁹.

Так, когда вторая система чисто математическая (вообще – формальная), то теоремы Гёделя «срабатывают» с неизбежностью логического закона исключенного третьего – естественно, тогда, когда вторая система более сложная, чем первая. Условно говоря, «познающая» система относительно «познаваемой» не должна испытывать никакой «эмпатии» (понимания её изнутри, сопереживания). Вторая, «познаваемая» система сама о себе безальтернативно задекларирует. Иное дело, когда вторая система способна к самоорганизации (природная, социальная, социоприродная система), причем система имеет открытый, «трансцендентномерный» характер, познание которой в принципе никогда не может быть полным. Тогда познавательное, неизбежно сопряженное с преобразующим, воздействие на систему запускает в ней процессы самоорганизации. Результаты воздействия могут проявляться не только через значительное время, но и иметь неявный характер, затрудняющий «тест на Гёделя».

Поэтому постнеклассическая наука исходит из необходимости иного – «нелобового», не-диктаторского, не-монологического – режима действия ценностно-целевых структур «познающей» системы. Она видит в «познаваемой» системе не только некую исходную сложность, но и возможность/неизбежность изменения её сложности в процессе познания, а, следовательно, и необходимость параллельных корректировок самих ценностно-целевых структур «познающей» системы (синергетическое «изменение изменений»). Более того, в парадигме постнеклассики заложено требование исходить из существования имманентных интересов «познаваемой» системы, принимать их во внимание и, возможно, поддерживать их. Или, иными слова-

⁹ Монологичность является ключевым поведенческим институтом (инстинктом) человечества – некой устоявшейся совокупностью норм и правил его отношения к универсуму – как природному, так и социальному. Отношения, появившегося на относительно поздней стадии его развития. В основе монологичности лежит самодовольная и несамокритичная человеческая установка недоверия к миру и представление о его пустоте, недозавершенности, со стремлением это активно компенсировать – как проявления воли к власти первого начала. По-видимому, можно говорить и о генетической близости монологичности к *манихейско-гностическому комплексу* с его установкой непрекращающейся борьбы против «онотологически ущербного» мира (И. Яковенко).

ми, проявлять «эмпатию» относительно «познаваемой» системы. Это – *диалог*, отношения *диалогичности* между «познающей» и «познаваемой» системами ¹⁰.

МАСШТАБНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ СОЗИДАЮЩЕГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

«Лобовое», монологическое глобальное преобразующее воздействие человечества на мир, как на взаимозависимые социальный и природный универсумы, было полно-масштабно реализовано в XX веке ¹¹. Причем осуществлено как бы для «натурного» экспериментального подтверждения первой теоремы Гёделя в её разделенности на варианты неполноты и противоречивости («две дороги к одному обрыву», если использовать лексику И. Шафаревича).

Первый вариант естественно отождествляется с проектом *социалистического мироустройства* и с его практической реализацией на основе однопартийной политической системы и административно-командной экономики. Выполнение проекта, исходившего из представлений о необходимости единого центра власти, управления и безальтернативной идеологии, с государственной собственностью на средства производства, первоначально обещало очень неплохие результаты – простые и ясные. В значительной степени эти результаты, в особенности, если вспомнить «стартовое состояние» бывшего Советского Союза – его населения и хозяйства, – были осуществлены. Осуществлены, правда, чудовищной ценой метода «проб и ошибок» с целена-

¹⁰ Сущность диалогичности одновременно и проста, и парадоксальна. Она состоит в том, что некая человекомерная система (личность) не замыкаясь (эгоистически самоизолируясь) в себе от всего мира, способна обрести подлинную идентичность только находясь в состоянии постоянной «открытости» на мир, на другие системы. Это определяется тем, что при открытости данной системы на другие системы при стремлении «донести» (объяснить) себя им, она не только максимально осознает саму себя, но и «переопределяет» себя через «других». Система открывает для себя в них и через них в мире (бытии) то принципиально новое (а открывая – по-своему и «усваивает» его), что иначе для неё недостижимо из-за «вписанности» в «свои, слишком свои» обстоятельства. Таким образом, системы при диалогичности из-за их «неодинаковости» взаимно обогащаются, причем сохраняя свою идентичность. Поэтому там, где принято общение только между «своими», диалогичность в принципе невозможна, что не искупается дурной легкостью и комфортом такой коммуникации [28, с. 206–210].

¹¹ Отметим, что сами необратимые воздействия социума на природу обычно относят к началу XX века. Воздействия, естественно, не соотносились с их каким-либо значительным предварительным осмыслением ни с философских, ни даже с научных позиций. Осмысление (иногда и отрезвление) приходило потом, *post factum*, как-то робко и незаметно для широких человеческих масс, когда дело было уже сделано. Воздействия двигались стихийным восторгом преобразования мира. В этом отношении вопросы «зачем нужна философия?», «зачем нужна высокая (теоретическая) наука?» и по сей день остаются, большей частью, риторическими вопросами без ответа. Или же на них дается ответ *цинического разума*: «для оправдания человеческих действий» [31].

правленными политическими репрессиями по «перековке человеческого материала» и, по сути, бесплатного использования его труда.

Простое и ясное общество – в смысле понятных и осязаемых политики, идеологии и морали, отсутствия какого-либо серьёзного социального расслоения, работающего народного хозяйства, гарантирующего более чем прожиточный минимум, высокого (при желании его достичь) культурно-образовательного уровня, перспектив будущего – было в целом построено. Это была страна, где *жизнь и деятельность людей были максимально упрощены и не требовали от них инициативы и риска* [13]. Но, в конце концов, в ней с нарастающей силой (и «по Гёделю») начали действовать упоминавшиеся сбои – здесь «сбои простоты». Простота и ясность проявили себя как отсутствие демократических институтов правового государства, стагнирующее народное хозяйство с нерешенными продовольственной и жилищной проблемами, низкий жизненный уровень преобладающей части населения и его аномия, усиливающееся научно-техническое отставание и многое другое ¹².

Второй вариант вполне отождествим с проектом *капиталистического мироустройства* («западнизма» – по А. Зиновьеву) с его практической реализацией на основе многопартийной политической системы и либерально-рыночной экономики. Подчеркнем *проектное начало* данного мироустройства: оно, в первую очередь его экономический базис, не возникли так уж сами по себе, органичным образом, ведомые «невидимой рукой» А. Смита, или самоорганизуясь благодаря *спонтанному рыночному порядку* Ф. фон Хайека ¹³. Здесь была масса принудительных (а, следовательно, «проектных») моментов. Они действовали, прежде всего, в начале реализации капиталистической рыночной экономики – стоит вспомнить исследования такого авторитета, как Ф. Бродель [6, с. 34], или известное из истории Англии насильственное обезземеливание крестьян («огораживание») с образованием класса наемных работников. Целиком реально «проектная принудительность» действовала в период мирного сосуществования (соревнования на выбывание) социалистической и капиталистической систем – массой силовых военно-политико-идеологических средств. Проект-

¹² Собственно, здесь все основания для того взгляда, что построенное общество не было социалистическим и при *действительном социализме* ещё никто и никогда не жил [25; 32].

¹³ «"Спонтанные порядки" складываются в ходе органического эволюционного процесса, они не выполняют чьего-то замысла и не контролируются из единого центра, координация в них осуществляется не за счет подчинения некой общей цели, а за счет соблюдения универсальных правил поведения» [42, с. 235].

ное начало капиталистического варианта вполне действует и сейчас, с исчезновением социалистического мироустройства, в эпоху практически униполярной глобализации [8]. Это – широкий диапазон явных и неявных средств принуждения. Они простираются от внешне добровольных и как бы доброжелательных (маскультура, СМИ, реклама и, в конце концов, безальтернативно навязываемый гедонистический образ жизни, который не оставляет никаких иных возможностей кроме подчинения ему) через «еще» экономическое давление *корпоратократий* до силовых воздействий (могущество «главных» акторов мировой политики) [26].

Реализуемый проект капиталистического мироустройства в сравнительно короткие сроки невероятно интенсифицировал, наполнил, изменил и усложнил мир. Можно сказать, что он его *пересотворил* [28]. Но и «по Гёделю» он не мог не породить при своей сложности противоречий. Первым звонком таких противоречий стал *Мировой экономический кризис* (Великая Депрессия) 1929 – 1933 гг., заметим, *синхронично* и, как теперь становится ясно, поучительно-предупреждающе совпавшей с доказательством Гёделем его теорем¹⁴. Противоречие, породившее Мировой кризис, с чисто экономических позиций трактовалось как кризис перепроизводства. Производительные силы мирового капитала к тому времени работали столь интенсивно, вырабатывали такое огромное количество разнообразной продукции, что человечество, производившее это изобилие, буквально в нем «захлебнулось». Будучи не в состоянии потребить (в том числе и физически) все это богатство, а, отсюда, не затребованное для его нового воспроизводства, человечество парадоксальным образом оказалась как бы ненужным для самого себя. Отсюда данное противоречие (в варианте интерпретации марксистской политэкономией – между трудом и капиталом) было обусловлено несоответствием высокой эффективности капиталистического хозяйства и естественной природы человека (бережливого, не склонного к излишней роскоши и риску, весьма скромно оценивающего свои потребности, предпочитающего скорее традиции, чем новшества, и т. д.). Напротив, для бескризисно работающей капиталистической, либерально-рыночной экономики – экономики непрерывно растущей, услож-

¹⁴ Мы использовали не временной термин «синхронно», а понятие К.Г. Юнга «синхронично» [46]. Синхроничность объединяет события открытия Гёделя, Мирового кризиса и разработки «герменевтизирующей» их фундаментальной онтологии Хайдеггера более чем временной близостью – глубинным смыслом. Смыслом, с одной стороны, беспредельного желания социума изменять мир с соответствующей реакцией универсума на такие претензии, и раскрытия этого смысла («смысла смысла»)– с другой.

няющейся, интенсифицирующейся и захватывающей новые сферы деятельности – был необходим и «новый человек». Им должен был стать некий ненасытный потребитель (а, отсюда, *volens-nolens*, и производитель, и инноватор). Потребитель/производитель/инноватор жаждущий изобилия новых товаров и услуг и легко расстающийся с прежними, склонный к безоглядному риску и, вообще-то, не очень и рефлексирующий, но с удовольствием проникающий во все сферы жизни для их коммодификации («товаризации»).

О таком человеке провидчески, еще за два десятилетия до Великой Депрессии, писал В. Зомбарт: «...в наши дни безропотно восхваляется хозяйствование ради хозяйствования; и для современного экономического человека рождаются из этого переворачивания всех оценок новые могучие побуждения к бодрому применению своих сил» [15, с. 428]. Подобный необходимый экономический человек исходно, как в реторте, был «выведен» в одной стране (США) в рамках «Нового курса» президента Ф. Рузвельта – на основе *экономики эффективного спроса* Дж.М. Кейнса – и как клон стал быстро заполнять весь капиталистический мир [12, с. 12–13]. С крушением социалистического мироустройства и разрастанием либерально-рыночного глобализма «новый человек» стал и вселенским, универсальным человеком, а экономика эффективного спроса мутировала в *турбоэкономику*, становящейся сейчас, по сути, основной моделью единого мирового хозяйства¹⁵.

Между тем, и теорема Гёделя демонстрировала свою вселенскость и универсальность. Как бы обойденное вначале посредством экономики эффективного спроса, а затем – с помощью «новой машинерии» информационно-сетевого общества, противоречие, в условиях невероятно усложнившегося глобального капиталистического мироустройства, стало преобразовываться в новые противоречия. Они уже не могли

¹⁵ Турбоэкономика (от лат. *turbo* – вихрь, вращение + экономика) – экономика нового типа *позднего капитализма* (Э. Мандель), добавившая к своей родовой сущности погони за сверхприбылью тягу к «перепотреблению». Характеризуется рядом ключевых особенностей. 1. Предельной коммодификацией, с превращением всех элементов человеческой жизнедеятельности в товар. 2. Быстро увеличивающимся разрывом между реальным и финансовым секторами экономики, когда финансовый сектор приобретает свойства самовозрастания. 3. Тем, что подавляющее большинство экономических операций происходит в виртуальном пространстве Интернета с освобождением капитала от государственных границ и каких-либо национальных и моральных обязательств. 4. Сращением экономики с наукой и технологией с возникновением феномена *технаукомики*. 5. Порождением необходимой для себя антропологической модели утилитаризма.

иметь прежних простых и эффективных *ad hoc* решений¹⁶. Это определялось самим характером новых противоречий. Среди них выделяются противоречия *экологические* (глобальное разрушение природно-климатической системы с её циклами), *социально-политические* (растущий разрыв в уровне жизни как между странами первого, второго и третьего миров, так и внутри этих стран – между богатыми и бедными), *экономические* (прогрессирующее расхождение между реальным и финансовым секторами экономики). Но, пожалуй, главным является противоречие между органичными психосоматическими параметрами человека, поскольку он сложился как особый антропологический, исторический, культурный, моральный вид (*homo vitae sapiens* – В. Кутырёв), и теми новыми параметрами, необходимыми для жизни в нынешнем информационно-сетевом обществе, в котором почти всё «прежнее» в человеке отбрасывается. Происходит то, что теперь понимается как «расчеловечивание человека». Или, в более широком плане, начинает действовать та особенность, что уже не цивилизационный инструментарий (научный, технологический, экономический, юридический ...) служит человеку средством его *нормального хозяйствования* [7], а человек предназначен для своего инструментария (как необходимый функциональный компонент его безграничного самовозрастания). Злободневный для современности вопрос «не что делать с технаукомическим инструментарием, а что инструментарий делает с нами, накладывая на нас "матрицу" предписывающего поведения?» социумом по настоящему не задается и не осмысливается¹⁷. Человечество уже давно соблазнено и

¹⁶ Т.е. торжеству человеческого гения, преодолевшего кризис Великой депрессии с помощью экономики эффективного спроса и выпустившего наружу «джинна» обновленного капитализма, по своим последствиям сегодня вполне соответствует ситуация «лекарства хуже болезни». Удивительно, но десятилетием позже главный автор преодоления депрессии – Дж.М. Кейнс – еще мечтал: «Уже не за горами день, когда экономические проблемы займут скромное место, которое по праву им принадлежит, а арена ума и сердца будет занята (или вновь занята) нашими реальными проблемами – жизни и человеческих отношений, созидания, поступков и веры».

¹⁷ См.: «Рост числа проблем обгоняет рост способности к мышлению ... За наплевательским отношением ко всем проблемам стоит в конечном счете предчувствие того, что случилось бы с нами, получи мы о них полное представление. Поскольку же в проблему превратилось всё, то всё стало для нас абсолютно безразличным» [31, с. 14]. Здесь же исчерпывается и доказательный ресурс первой теоремы Гёделя – внешним (монологическим, диктаторским) образом преобразовать что-либо более сложное, чем мы, затея не только напрасная, но и опасная. Не прибавляет оптимизма (опять-таки, монологического, диктаторского) и вторая теорема. Мы никогда не сможем достичь той сложности, чтобы безошибочно править тем исходно органично сложным миром, в котором живем, ни реально, ни даже в мыслях (как, например, «демон Максвелла»).

подчинено собственному инструментарию, смутно ощущая в этом своеобразную комфортную безысходность. Тяга к неограниченному потребительству, гедонизму, преимущественно креативно-расчетливый (а не творчески-критический) разум «нового человека», по сути, «гламурно» прикрывают его мутацию, выход из тех нравственных, психических, интеллектуальных и соматических координат, где человек, как таковой, только и может сохранять свою органичную идентичность – «Мы не будем знать, когда нас не будет» (В. Кутырёв).

ОБЩИЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ АНТАГОНИСТИЧНОСТИ

Такое прочтение «по Гёделю» первого (социалистического) и второго (капиталистического) вариантов мироустройства, при всей их антагонистичности, а в период их параллельного существования неприкрытой и понятной враждебности, имеет, в то же время, и некий *общий онто-экзистенциальный знаменатель*. Это, напомним, монологическое, диктаторское, насильственно-преобразовательное отношение человека к миру, трансцендентную сложность которого мы не в состоянии охватить¹⁸. И тут действуют два герменевтических познавательных сюжета.

Во-первых, сюжет, снова сопряженный с мысленным экспериментом. Он представляет собой попытку разобраться в том, гарантировала бы простота и ясность социалистического проекта его вечное или, хотя бы, достаточно долговременное существование, если бы параллельно ему не действовал капиталистический проект. Добавим – подрывавший возможности социалистического проекта непосильной гонкой вооружений и демонстрировавший потребительское изобилие вместе с демократическими свободами. Причем тогда, когда это был привлекательный «капитализм с человеческим лицом» и нынешние его противоречия в мире либерально-рыночного глобализма еще не успели пугающе обозначиться¹⁹. Две основные подсистемы социали-

¹⁸ С этой позиции понятны парадоксальные слова З. Баумана: «Конфронтация между социализмом и капитализмом ... – не более чем семейная ссора» [3, с. 65]. Вспоминается и К. Маркс с его двусмысленным в оптике нашей герменевтики: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». Становится безоговорочно ясным, что *объяснять* мир следует *единым образом* – с позиций фундаментальной онтологии. *Изменить* же мир имеет смысл лишь ориентируясь на постнеклассическую науку, причем «сфокусированную» другим началом, оставляя мир миром, а человека – человеком, не пересотворяя их.

¹⁹ Относительно «капитализма с человеческим лицом» – речь идет о западных странах, строивших свою жизнь по модели *государства всеобщего благосостояния* (≈ от середины 1950-х до начала 1980-х годов).

стического проекта являются маркерами оценки возможности долговременности такого существования – социум и природа.

Если говорить о социуме, то неудобства «слишком простой и ясной жизни», от идеологических до материальных, он, в целом, приспособился обходить наподобие принципа Ле Шателье – Брауна для биологических систем: изворотливо принимая те новые состояния, когда «давление упрощения» уменьшалось. Эзопов язык, анекдоты и «разговоры на кухне», *самиздат* и *тамиздат* – на идеологическом полюсе проекта, приписки к плану, теневой рынок, а то и прямое подворовывание – на материальном. Ради справедливости следует уточнить, что основной официальный «психосоматический стержень» социума был вполне разумен и гуманистичен – от требований здорового образа жизни до высокой культуры (пусть и изрядно идеологизированной, но именно высокой). Поэтому в исторической перспективе – и в рамках данного мысленного эксперимента – в формате социалистического проекта социум мог бы, похоже, существовать достаточно долго.

Иное дело – природа. Также подчиняясь «своему» принципу Ле Шателье – Брауна, она, натиск упрощающих преобразований социалистического проекта непосредственно и для себя бесхитростно, реализовывала в широкой палитре компенсирующих состояний – для человека и непонятных, и неприятных, как некая незаслуженная конфронтация. Эти состояния вызывались как влиянием внешне невинных индустриальных пейзажей и «спальных районов» больших городов, так и масштабных мелиорации, непродуманной распашки земельных угодий с последующими пыльными бурями, сверхпотреблением возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. Венцом конфронтации, очевидно, являются катастрофа осуществившаяся (Чернобыль) и еще не успевшая реализоваться («поворот» северных рек СССР на юг в засушливые районы). Так или иначе, но по «линии природы» социалистический проект медленно, но верно, подрывал собственные устои – его значительно возросшие производительные силы логикой своего упрощенного (линейного), но мощного действия вошли в противоречие со сложными (нелинейными) законами природы. Всё это обрекало социалистический проект на долговременную историческую стагнацию (напомним, при условии отсутствия капиталистического проекта), а делая стагнацию явной, парадоксальным образом определяло возможность её критического осмысления (по-

пытка перестройки), в отличие от нынешней «гламурной» мутации капиталистического проекта ²⁰.

И здесь, во-вторых, впору перейти к следующему сюжету настоящей работы. Его задача – объяснить ту непонятную, даже пугающую легкость, с которой социалистический проект самоликвидировался и начал себя реализовывать уже в варианте капиталистического. Многие объясняется, естественно, неопытностью реформаторов социалистического проекта («прорабов перестройки»), более того, похоже, их неосведомленностью в том, что он только и мог существовать как таковой в довольно узких рамках «простоты и ясности». Выход за эти рамки, многоаспектное усложнение проекта, вело к потере контроля над ним с переориентацией и «самодостраиванием» его уже как капиталистического проекта.

Многое можно объяснить и тем, что политико-управленческая элита социалистического проекта (в большой мере не совпадавшая с реформаторами) в значительной степени к тому времени переродилась в бюрократически-гедонистический класс («новый класс», по М. Джиласу), с интересами, далекими от целей проекта. Даже научившись уютно существовать в «порах» проекта, элита внутренне тяготилась им. Нельзя сбрасывать со счетов и *людей воздуха* или *аэрократии* – узкой прослойки социума с навязчиво-пассионарными интенциями изменения существующего порядка вещей [22]. В условиях социалистического проекта это был пусть и не очень большой, но агитационно-весомый отряд, оказывавший прямо-таки гипнотическое воздействие на умы социума, – от звезд эстрады до звезд спорта, которые и сами стремились свою рекламно-звёздную жизнь сделать реальной, и пробуждали подобные неуёмные стремления в масштабе всего социума. Многие объяснимо и постоянным желанием (с осуществившейся неожиданной возможностью) капиталистического проекта избавиться от своего докучливого конкурента. Спектр этого желания был предельно широк: от доброжелательности простых людей и наивности ученых мужей (Ф. Фукуяма), с их радостью по поводу ожидаемых всеобщего торжества либеральных

²⁰ Отсюда в эпистемологическом отношении социалистический проект оказывается как бы честнее и благороднее: в присущем ему ключе простоты и ясности он продемонстрировал несостоятельность использованной им модели. Напротив, в капиталистическом проекте генетическая (но и искусственная) сложность, реализуясь, начинает проявлять какую-то инверсию своих замыслов. Ныне он стабильно генерирует некую привлекательную патологию – «свет источает тьму». Буквально по Библии: «Если свет, который в тебе тьма, то какова же тьма?».

ценностей, наступления «вечного мира» и исчезновения бедности, до *людей воздуха* уже капиталистического формата (геополитиков и геостратегов), видевших для себя все выгоды наступления униполярного («однопроектного») мира ²¹.

Понятно, что это объясняет очень многое в легкости самоликвидации социалистического проекта, но не все. Остается ощущение действия некоего неявного «фактора Х», уходящего в глубины экзистенции социума, принадлежащего к какой угодно политико-экономической системе ²². Фактора, определяющего мировоззренческую суть и нынешнего – недавнего социалистического, а теперь преимущественно (или желающего стать таким) капиталистического социума ²³. Отсюда фактора, «форматирующего» социум и разрушающего природу уже не с позиций прежних социалистических «простоты и ясности», а капиталистических «сложности и противоречивости». Этим «фактором Х», если снова обратиться к Хайдеггеру, является *первое начало* в его фундаментальной онтологии. Начало, напомним, со времен «досократиков» подспудно определяющее и мышление, и действия человечества, исходно в его ограниченных локациях и масштабах, а теперь приобретших ничем не ограниченную самоуверенность и вселенский масштаб ²⁴.

²¹ Разумеется, тут имеется ввиду «ранний» Фукуяма, в начале 1990-х годов исходивший из представлений, что капиталистическая либеральная демократия наконец-то охватит всё земное пространство. Технологии будущего осуществляют гомогенизацию глобального общества, стирая различия культур и политических строев, стандартизируя человека и делая его адекватным некому универсальному «демократическому капитализму» [36, с. 90]. Исчезнут прежде нерешаемые «внешние» проблемы – политические, социальные, экономические. Останутся лишь немногие «внутренние» проблемы, поддающиеся ситуативному устранению – историческое развитие, как таковое, прекратится: не будет иметь смысла. Следует сказать, что десятилетием спустя уже «поздний» Фукуяма заявлял о надвигающемся технологическом «рае» демократического капитализма, с присущим ему стремлением переделки всего и вся, – в том числе и биотехнологического «улучшения» человека, – как о том, что «принесет нам утрату нашей человеческой сущности» [37, с. 147].

²² Отметим действующую здесь аллюзию на «фактор понимания» А. Зиновьева [14]. Однако если у Зиновьева в основном идет речь о *понятийном аппарате* адекватном, в том числе, для осмысления нынешних цивилизационных проблем, то настоящая работа обращается к *бытийным основам* развивающейся цивилизационной кризисности.

²³ Социума, плохо себе представляющего к чему это может привести в не такой уж далекой исторической перспективе: «Капитализм умрет, но не потому, что его уничтожат пролетарии, а потому, что все захотят стать капиталистами» (И. Валлерстайн). Причем плохо себе представляющего не столько в силу «дефицита знания», сколько в силу «ущербности воли», нежелания «этого понимать» (Ю. Хабермас).

²⁴ Здесь снова можно говорить о синхронистичности – уже *первого начала* Хайдеггера и *осевого времени* К. Ясперса. Напомним, что осевое время – концепт Ясперса для обозначения периода и характера радикального изменения мировоззрения значительных групп человечества, которые происходили в большой мере одновременно и независимо в нескольких об-

Стоит ли в этом отношении нынешняя цивилизация, не сумевшая (не захотевшая?) организовать корректные отношения как между социальным и природным универсумами, так и внутри самого социального универсума на краю гибели? Не следует ли предполагать, что кризисность перейдет в катастрофу? Многие свидетельствуют о том, что человечество упоенно достраивает последний ярус «Вавилонской башни», после чего его ожидает не самая лучшая судьба [19]²⁵. По Хайдеггеру, в данной ситуации спасти цивилизацию может лишь переход к *другому началу*. Оно, в отличие от относительной доступности и ложной самоочевидности первого начала, должно свершиться как исходно непонятное и ненужное для большинства социума, но внутренне ожидаемое немногим критически осмысляющим действительность меньшинством редчайшее *sobytie/Ereignis* (нем.). Наступление события другого начала является единственным условием сохранения цивилизации в органичной гармонии социального и природного универсумов с их необходимостью друг для друга. Жизни для человечества спасительной, но необычной и некомфортной, поскольку оно приучилось существовать в обстановке всеохватного «махинаторства» (нем. – *Machenschaft*). Оно, для подавляющей части социума, причем уже бессознательно во всех измерениях его бытия, стало привычкой, второй натурой (лат. – «*Consuetudo est altera natura*»). Однако человечество, при продолжении такого существования – в рамках первого на-

ширных регионах земного шара [47, с. 32–50]. Его период датируется $\approx 800 - 200$ гг. до н. э. (т.е. совпадает с выбором человечеством *первого начала*), а смена мировоззрения имеет своей отличительной чертой переход от мифопоэтического к рациональному мировоззрению. Особенным есть то, что если мифопоэтическое мировоззрение (отождествлявшее макрокосмос и микрокосм-человека без их противопоставления) содержало возможность перехода к другому началу Хайдеггера, то рациональное (противопоставившее мир и человека как объект и субъект) было иной стороной первого начала. В этом – «триумф и трагедия» возобладовавшего рационального мировоззрения, приведшего, в конечном итоге, к «расчеловеченному» пересотворению мира. В этом и его «ирония истории», поскольку возникает новая мифопоэтика, с «растворением» социума в мире гаджетов и иных технаукомических артефактов, уже производящих самих себя, по сути, не считаясь с природой человека.

²⁵ Состояние преобладающей части социума, *не стремящегося осмыслить* [14; 43], что действительно происходит с ним и с миром, а занятого преимущественно поиском и реагированием на те, или иные «сенсации», можно охарактеризовать в двух ракурсах. Во-первых, это «пассивная» адаптация к происходящему. Она подобна эффекту эксперимента «лягушка в кипятке» и, что примечательно, для лягушки с удаленным мозгом. Лягушка, помещенная в холодную, но медленно подогреваемую воду не будет ощущать опасных изменений и, в конце концов, погибнет. Схожим образом действует *индоктринированный* [28, с. 223–225] социум, лишенный критической позиции относительно накапливающихся *токсичных* для него цивилизационных изменений. Во-вторых, – «активная» адаптация к происходящему. Она также реализуется посредством индоктринации, но на основе «окна Овертона». Окно настраивает общественное мнение на восприятие действительности в регулируемых рамках позитивной реакции.

чала – не замечает, что жизнь становится ему неподконтрольной [41]. Здесь, если перейти уже на лексику сего дня, открывается широкий диапазон возможностей смерти цивилизации: от военных, политических, социальных, экологических, экономических катастроф до «аннигиляции», «растворении» человека в процессе *технологической сингулярности* [52] ²⁶.

МЫСЛЕДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ДРУГОГО НАЧАЛА

Следует отметить, что сама «событийность» возможного наступления другого начала оценивалась Хайдеггером с осторожным оптимизмом как прогрессивно-радикальный «поворот всего человеческого бытия, у начала которого мы стоим». Поэтому здесь возникает амбивалентная ситуация. Она определяется тем, что «событийность» необходимо одновременно ждать, поскольку её активизация зависит не только от гениальности крайне узкого круга творческих личностей («новых сократиков») и благоприятных сопутствующих обстоятельств, но и быть готовыми (вспомним пионерский призыв) её встретить соответственно организованной *мыследеятельностью* [44]. Здесь, в мыследеятельности, как у Г. Щедровицкого, имеется в виду не объект мышления – в данном случае еще не «особытившееся» другое начало, – а конфигурируемая в его ожидании система деятельностного мышления (творческие личности «второго эшелона» осмысления другого начала с их методологией и коммуникацией). Поэтому ключевым для системы есть представление о том, чем является другое начало и как оно отличается от первого (знание теоретической философии). В ожидании – здесь действует своя шкала экзистенциального

²⁶ Технологическая сингулярность – гипотетический «особый момент» близкого цивилизационного будущего, когда прогресс так ускорится и усложнится, что станет недоступным человеческому пониманию, выйдет из-под его контроля и, более того, начнет контролировать само человечество. Особенность сингулярности состоит в том, что в ней осуществляется переход от человека как субъекта (*актора*) цивилизационного развития, когда человек, исходя из своих психосоматических качеств, инициирует изменения цивилизации, являясь их «адресантом», к человеку как к объекту (относительно пассивному «адресату-потребителю») изменений цивилизации. «Адресность» будет заключаться, по сути, в «растворении» человека в новых технологических (точнее и шире – в технаукомических) возможностях цивилизации. На языке технологической сингулярности это деликатно именуется «аугментированием» (от лат. *augmentatio* – увеличение) – как улучшение, модернизация исходных психосоматических свойств человека с переходом их в новое качество. Если «вынести за скобки» те из новых возможностей, открывающихся в сингулярности, что позволяют эффективно и безоговорочно *биоэтично* корректировать патологии (лечить болезни) человеческого организма, то выход за его биоэтические рамки – это уже *трансгуманизм*, который вызывает весьма большие вопросы относительно целесообразности и смысла подобного «улучшения» человечества.

времени – наступления другого начала система готовит адекватные ему предметность и субъекты мышления, необходимые для начала (исполнимость практической философии). Поэтому мыследеятельность на своей коллективной основе еще создает и условия для сдвига («макросдвига» – если воспользоваться лексикой Э. Ласло) общественного сознания. Тут, дополнительно и более конкретно, можно говорить о *телеономической* [1] подготовке к наступлению события другого начала из будущего, или, несколько перефразируя Хайдеггера, о «забегающей вперед решимости» желания достижения бытия (мира, природы, человечества) в их подлинности и целостности.

Такая мыследеятельность образует следующий, последний сюжет настоящей работы – сюжет *пробуждающего прогноза* с интенцией человека знать «для какого настоящего я хочу жить» (Ясперс). Две ключевые предметные линии, две *концепции*, когерентные способным уже сейчас, в настоящем, понять их хоть в малом количестве субъектам мышления, исходя из представленной цивилизационной герменевтики, выделяются в сюжете²⁷. Во-первых, – концепция корректных отношений между природным и социальным универсумами, исходящая из их свойств и возможностей (*органичная* концепция бытия универсума). Во-вторых, – концепция корректных отношений внутри самого социального универсума (*социально-политическая* концепция бытия социума). Разумеется, эти линии-концепции не независимы, они переплетаются между собой, подобно двойной спирали ДНК (хотя её более точное название – «двойной винт»). Такое взаимодействие линий-концепций образует единое «дело» *холистической цивилизации будущего*, лишенной потенциальной кризисной не-взаимности между своими компонентами, в предлагаемой нами мыследеятельностью оптике [20, с. 108]²⁸.

²⁷ Дадим необходимое и назревшее различие между концептом и концепцией, действующими в работе. *Концепт* – инновационная авторская философская идея, характеризующаяся законченностью и целостностью. Действуя в измерении «шифров бытия» он принадлежит к теоретической философии: «Философия – искусство формировать, изобретать изготавливать концепты» (Ж. Делёз, Ф. Гваттари). Примерами концептов могут служить фундаментальная онтология Хайдеггера с её первым и другим началами, или осевое время Ясперса. *Концепция* – это практическая философия, коллективная мыследеятельность созидания, опирающаяся на тот или иной концепт и имеющая открытый во времени характер изменений и совершенствований соответственно динамики трансформаций универсума.

²⁸ Интенции нашей мыследеятельностью оптики можно ассоциативно передать двумя примерами. Во-первых, принципом экологического движения «Думать глобально, действо-

ГЕРМЕНЕВТИКА УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Первая концепция исходно – по интенции и содержанию – корреспондирует с *устойчивым развитием* (англ. – *sustainable development*) с 1970-х разрабатываемым и многоаспектно рассматриваемым мировым сообществом [28, с. 298–300]. В таком нарабатанном представлении устойчивое развитие (УР) обладает рядом сущностных характеристик. Оно должно быть структурно справедливым (по регионам и социальным группам), а удовлетворяя запросы нынешних поколений, не ставить под сомнение возможность обеспечения потребностей последующих поколений, исходя как из невозполнимости и ограниченности многих земных благ, так и крайней уязвимости нашей биосферы. *Доктрина УР*, разрабатываемая мировым сообществом, предполагает взаимодействие трех основных составляющих развития – экономической, социальной и экологической – с оценкой его по отдельным составляющим и в целом в соответствующей динамике²⁹. Однако многое, входящее в доктрину, говорит о доминирующей в ней мировоззрении первого начала и идущего отсюда отсутствия постнеклассического мышления.

Это выражается в нескольких отношениях неадекватности доктрины по отношению к УР, которые должна преодолеть мыследеятельность. Прежде всего – в информационном отношении, поскольку в доктрине используются преимущественно традиционные показатели, удобные для их формирования и учета. Это – количественные (квантифицированные) показатели с отсутствием заметного стремления задейство-

вать локально» (Д. Брауэр). Здесь глобальное – еще не «особытившееся» другое начало, локальное – предварительная мыслительная работа подготовки предметной структуры начала с соответствующими субъектами-носителями предметности, как бы его «онтологической администрации». Во-вторых, опираясь на синергетическое понятие аттракторов (в данном случае – *структурных аттракторов* [17]) как неких *дополнительных структурно-возможных* равновесных состояний широкого класса систем – от идеальных до материальных. Находясь в исходном латентном состоянии в «теле» системы они активируются при наступлении *необходимых* для них новых *общих* состояний системы. В нашей ситуации новому общему состоянию соответствует «особытивание» другого начала с «проявлением» двух возможных аттракторов. Причем первым аттрактором будут корректные отношения между природным и социальным универсумами, вторым – корректность внутри самого социального универсума, что определяет сущность линий-концепций.

²⁹ Введем – чтобы не путать с понимаемой нами в ракурсе мыследеятельности концепции – общее наименование решений, предлагаемых мировым сообществом для цивилизационных проблем как доктрин. Это не просто «разведение» терминов, но и указание на инвариантно заложенную в доктрине *догматичность*. Такая догматичность, как мы покажем, действует в кодах того же лобового, монологического отношения к универсуму (вспомним теоремы Гёделя). Однако теперь чтобы «защитить» универсум ничего, по сути, не меняя («броситься в огонь, чтобы не сгореть, не изменив ничего» – П. Бурдые).

вать показатели качественные с адекватными методами их оценки. Причем показатели отражают лишь *внешнюю* сторону как человеческого бытия, так и бытия природных систем, но не затрагивают их *сущностных основ*³⁰. В информационном аспекте УР не только требует наряду с уже существующей стандартной статистикой новых показателей, адресно сопряженных с открывающейся *новой предметностью* бытия человека и природных систем, но и изменения их характера. Они должны иметь принципиально иное построение, одновременно выражаясь как в кодах настоящего, так и предполагаемого будущего: «Сегодня нет космовидения, *теоретически* адекватного современно-будущей ситуации и ориентирующего деятельность человека практически на социо-экологическое понимание» [43, с. 351]. Отсюда информация должна иметь *сценарно-матричную структуру*, включая в себя как апостериорные («сильная информация» о уже состоявшемся), так и априорные («слабая информация» о возможных состояниях) данные [11]. Это операционно-методологически связывает обеспечение подобной релевантной информации с «большими данными»³¹.

Вторым – содержательным – аспектом концепции УР есть придание ему некоего обобщающего, компактирующего *смысла*, за которым стояла бы агрегация множества

³⁰ *Внешнюю сторону* человеческого бытия ныне характеризуют как актуальные для отражения жизнедеятельности социума показатели, так и большое количество факультативных. Более того, значительное количество показателей соответствуют патологиям современного человечества (милитаризация, престижное потребление, затраты на масскультуру, «обскуствливание» человека и «исправление» природы), но учитывающиеся в *доктрине* УР как позитивно растущая «статистика прогресса». Тогда как *сущностно* человеческое бытие требует информационного выражения в концепции посредством характеристик *здесь-бытия* (нем. *Dasein*) – одного из ключевых понятий фундаментальной онтологии в плане конкретности человеческой жизни. Оно означает состояние исходной «заброшенности» человека в мир с необходимостью для него принять такой свой статус, что диктует и спектр возможного поведения социума. Это – аутентично экзистировать в *здесь-бытии* – достойно жить в данном ему мире. Или – экзистировать в *здесь-бытии* не-аутентично – жить недостойно, «токсично» приспособляясь к миру и искажая его, и за счет других. *Бытие живых систем* (шире – природы) требует его информационного рассмотрения в концепции УР с позиций *глубинной экологии*. Она призывает уважать, не ущемлять права всех форм природы на жизнь и процветание, допуская существование у них собственных интересов – даже, несмотря на их возможную «бесполезность» для человека [49].

³¹ «Большие данные» – современная эпистемологическая парадигма, смещающая вектор исследования от подбора данных для эмпирической проверки соответствующей теории к созданию теории, руководствуясь исходной масштабной и релевантной базой разноформатных данных, получаемых целевым образом средствами информационно-компьютерных технологий [51]. Таким образом, «большие данные» позволяют максимально приблизить информацию к моменту работы с ней и предметно ориентировать на многие, ранее не отслеживавшиеся, проблемы. В этом отношении характерен проект «Глобальный пульс», созданный в 2009 году в рамках инициативы Генерального секретаря ООН, базирующийся на «больших данных» и являющийся одной из составляющих разрабатываемой доктрины УР.

показателей информации, сопряженной с УР, в один показатель-индикатор. Если исходить из пирамиды потребностей А. Маслоу, то такому смыслу (и индикатору) должна соответствовать *безопасность* [54, с. 39–43]. Или, иными словами, как то, что поднимая человека над простыми, но необходимыми потребностями (ими обладают и примитивнейшие существа) создает ему возможность *состояться в чем-то большем* – как аутентичное *здесь-бытие*, как *homo vitae sapiens*. Т.е. безопасность УР не характеризует и не должна характеризовать какую-то «законченность» существования человека и условий его жизни. Она призвана лишь отражать состояние некой, адекватной ему «платформы достаточных возможностей», с которой человек мог бы *свободно* «открываться» *быть* (вспомним «вертикальное» мышление/мировоззрение другого начала у Хайдеггера), что, в принципе, не поддается уже какой-либо статистической оценке. Или в оптике другого начала – безопасность не цель, а необходимое средство. Поэтому мыследеятельно безопасность концепции УР корреспондирует со свободой (свободой воли *быть*), причем с её двумя взаимодополняющими ветвями – позитивной «свободой для» и негативной «свободой от»³². Им в УР соответствуют векторы «безопасности для» и «безопасности от» [11, с. 21]. Подобно тому, как «свобода для» характеризует возможности и условия для реализации человеческого потенциала, «безопасность для» определяет позитивность искусственной, *культурно-цивилизационной среды* человека как пространства, где он теперь только и может существовать и трансцендентно «открываться» *быть*. И, аналогично, как «свобода от» выражает защищенность человеческого существования от каких-либо негативных воздействий, позволяя ему оставаться самим собой, «безопасность от» выступает гарантом осуществимости потенциальной продуктивности человеческого бытия.

Особенным есть взаимозависимость векторов «безопасности для» и «безопасности от» УР. Она выражается в различии генезиса их «субстанций», что определяет характер их отношений. «Субстанция» «безопасности для» – *одномерна*. Это всё то, что человечество создает для своего бытия, прямого его использования (полагая, что оно – «хорошо») ³³. Напротив, «субстанция» «безопасности от» – *двумерна*. Её первое измерение – всё то негативное от чего следует превентивно защищать человечество и

³² Понятия позитивной и негативной свободы имеют давнюю философскую традицию и приобрели наибольшую оформленность в работах И. Берлина и Э. Фромма.

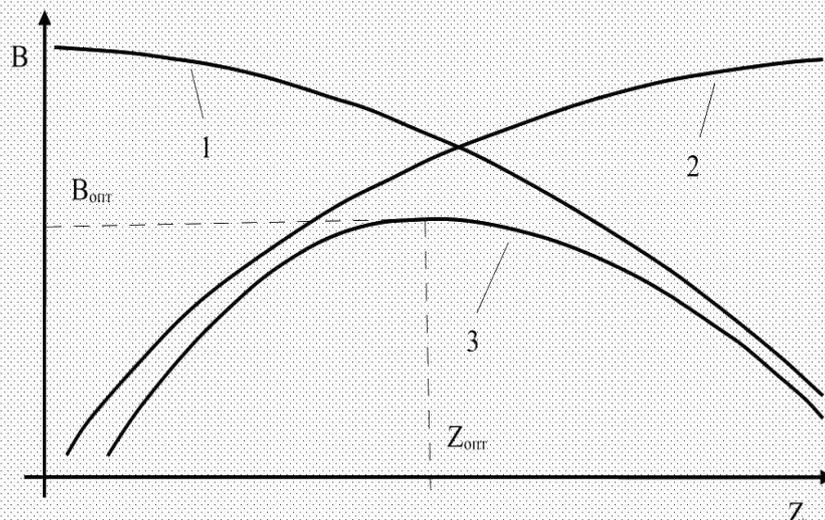
³³ Во многом на этот счет добронамеренно, или злонамеренно заблуждаясь – вспомним расходы на масскультуру, престижное потребление и «исправление» природы.

природу: техногенные угрозы, чреватые катастрофами и угрозы/неблагополучия природные. Причем последние имеют как непосредственно органичный, так и порожденный деятельностью социума характер. Второе измерение – затрата тех средств, которые необходимо потратить для предотвращения угроз, что собственно и воспринимается как «безопасность от». Поэтому между первым и вторым измерениями действует некая экзистенциальная инверсия – от физически-непосредственного (и *абсолютно негативного*) к психологически-опосредствованному (и *относительно позитивному* – в силу требующихся затрат средств предотвращения). Поскольку такие затраты являются частью общих средств, которые социум в соответствующих пропорциях тратит на «безопасность для» и «безопасность от», то взаимодействие данных векторов порождает синтетическую «интегрированную безопасность» концепции УР. Это подводит нас к третьему – конструктивному – аспекту концепции.

Конструктивный аспект выражает диалогичность УР, его динамику и структуру. Неявно диалогичность действует уже в распределении общих для социума затрат для одновременной поддержки «безопасности для» и «безопасности от». Критерием такой диалогичности для определенного момента времени становится максимальное значение «интегрированной безопасности» при существовании между «безопасностью для» и «безопасностью от» обратной зависимости (рис. 1)³⁴. Однако в *динамике траектории* «интегрированной безопасности» не гарантировано, что она будет оптимальной и не перейдет в *хреодную* (с греч. – патологическую) траекторию движения цивилизации, с которой чем дальше, тем труднее свернуть, причем пребывание на ней эффективно маскируется мнимыми цивилизационными «достижениями». Не допустить эти «достижения» может лишь явная, *истинная диалогичность*, учитывающая предопределенность величин «безопасности для» и «безопасности от» состояниями социального и природного универсумов. Она должно быть исходно «вмонтированной» в УР [10]. Подобная диалогичность исходит из того, что универсум человеческого бытия – глобальная *социоприродная система* (СПС), в которой действует группа синергетических законов, предрешающих траекторию развития цивилизации [12, с. 48].

³⁴ Траектории «безопасности для» (1), «безопасности от» (2) и «интегрированной безопасности» (3) показаны схематично и для условного момента времени. Они действуют в измерениях безопасности (В) и затрат (Z), где $V_{\text{опт}}$ и $Z_{\text{опт}}$ – соответственно оптимальная безопасность и затраты.

Рис. 1. Структура безопасности концепции УР для условного момента времени.

Если законы синергетики обобщить в три основных блока – *нелинейности развития, ресурса сложности и когерентности*, то при всей интенсивности действия первого и третьего блоков ключевое, «объяснительное» место в осмыслении социоприродного состояния нашей цивилизации будет принадлежать второму блоку законов³⁵. Он будет конкретизировать то, что уровень сложности нашего универсума как СПС есть величина квазистабильная, склонная к медленному эволюционному росту во времени, и комплексная, обобщающая сложности всех ее компонентов (подсистем). Поэтому форсированное усложнение одного или части компонентов СПС, которая имеет свой органичный темп возрастания сложности, для сохранения общего его баланса влечет компенсирующие снижения сложности остальных ее компонентов [30]. В продолжение последнего столетия на органичный темп усложнения универсума/СПС начал существенно накладываться стимулируемый социумом *темп ускорения* (третий «смертный грех» человечества по К. Лоренцу) роста сложности цивилизационной инфраструктуры (как новообразовавшейся подсистемы в процессе *пересотворения мира*). В первую очередь это генерируется биотехнологическими и электронными компонентами создающегося информационно-сетевого общества как основными «донорами» его переусложнения. С позиций ресурса сложности для некоторых подсистем СПР должны действовать соответствующие упрощения (или возрас-

³⁵ Первый блок законов проявляется в аспектах упоминавшегося *аттракторного равновесия* и *немарковских процессов* нелинейной зависимости состояний какой-либо системы в последующие моменты времени от её состояния в предыдущие моменты. Третий блок выражается в *фрактальности* – свойстве самоподобия широкого класса систем на разных уровнях их существования (к примеру, часть облака подобна всему облаку).

тание в них энтропии)³⁶. Очевидно, что таких основных подсистем две – природа и социум – и это обуславливается особой органичной хрупкостью их построения (принцип «хрупкости хорошего» [2, с. 30–32]).

Что касается природы, то, как было показано, она упрощается (уничтожается), оказывая сопротивление в рамках действия принципа Ле Шателье – Брауна, приобретая те новые состояния, при котором воздействие на нее уменьшается. Причем как бы покоренная природа становится для человека «подлинным его тираном» [48, с. 121]. Иное дело социум, среда которого уже «загрязнена, отравлена, изуродована еще больше, чем среда природная» (А. Зиновьев). Он неким оксюморонным образом упрощается-усложняется, когда *недочеловеческое* в социуме смыкается со *сверхчеловеческим* (Хайдеггер). Упрощение-усложнение социума должно иметь своим непосредственным адресатом преимущественно человеческую ментальность, в которой уже «нет места для индивидуальных целей, существуют только цели системы» [5, с. 93]. Поэтому на ментальном участке человека, за исключением некой функциональной структуры (*инструментального разума* – Хабермас), призванной обслуживать усложнение цивилизационной инфраструктуры и, отсюда, также вынужденно усложняющейся, «всё иное» – тонкие сферы души – обречены на упрощение, приобретая те свойства, которые метафорически соответствуют «полым людям» Т.С. Элиота. Людям, которые знать не хотят никакой альтернативы тому, что они творят³⁷.

Подобный взгляд на культурно-цивилизационную динамику человечества через призму синергетических законов, где динамика предстает как результат *превращенной формы* (буквально по Марксу) *неявного* диалога между природным и социальным

³⁶ Предупреждение о неминуемом возрастании энтропии в ходе масштабной экономической деятельности и связанного с этим многого негативного доказывал еще в 1970-х годах Н. Джорджеску-Реген в новаторской работе «Закон энтропии и экономический процесс». Однако и по сей день в *турбоэкономической действительности* такие взгляды, на более чем на вежливое равнодушие, претендовать не могут. Неумолимо продолжая генерировать энтропию, человечество для самоуспокоения разрабатывает «маниловские» проекты типа отвода прироста энтропии на Земле в окружающее космическое пространство, что относится все к той же области пересотворения мира.

³⁷ «Проблема с тем обществом, в котором мы живем, состоит в том, что оно перестало подвергать себя сомнению. Это ... общество, которое больше не видит себе никакой альтернативы» (К. Касториadis). Отсюда «Самое страшное в развитии современной цивилизации – её успехи. Все они технические. Остальное деградирует: природа, человек, культура и наша мысль» [18, с. 188–189].

универсумами, требует модельно-конструктивного учета законов в мыследеятельностной концепции УР. Он переводит диалог в *явный формат*, причем уже в цивилизационных кодах «безопасности для» и «безопасности от»³⁸. Здесь видится такой алгоритм конструктивного аспекта мыследеятельности.

1. Содержательное формирование «больших данных» с группированием их как набора показателей, определяющих «безопасность для» и «безопасность от». Генетически показатели, входящие в группу информации «безопасности для», могут одновременно принадлежать и к социальному, и к природному универсуму (например, эстетическое восприятие девственной природы).

2. Показатели квантифицируются по соответствующим сопоставимым шкалам значений и связываются с затратами на их обеспечение. Совокупности двух групп исходных показателей агрегируются в индикаторы «безопасности для» и «безопасности от» с использованием при агрегации принципа *среднего геометрического*³⁹. По тому же принципу индикаторы «безопасности для» и «безопасности от» агрегируются в «интегрированную безопасность».

3. На основе сценарно-матричного подхода, где структура сценария определяется законами синергетики с учетом принципов формирования «интегрированной безопасности» (ИВ) и возможных затрат её обеспечения (Z) для открытого горизонта времени (Т) производится *системно-динамическое* «проигрывание» возможных траекторий развития СПС⁴⁰.

В предлагаемой концепции УР возможны две принципиально различные траектории развития «интегрированной безопасности» – с *положительной* и *отрицательной эсхатологиями* [12, с. 73] (рис. 2)⁴¹. Положительная эсхатология (траектория 1)

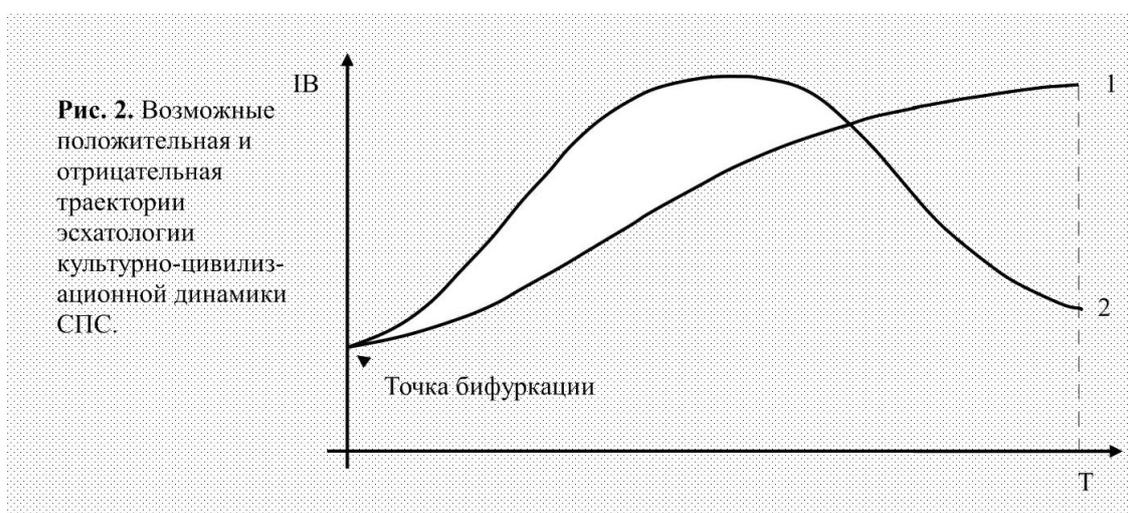
³⁸ Вспомним: «Гони природу в дверь, она влетит в окно».

³⁹ Среднее геометрическое позволяет по-синергетически учитывать в формировании индикаторов безопасности влияние неадекватно больших или малых значений показателей их исходной информационной базы. С синергетических позиций такие показатели близки к особым критическим точкам – *точкам бифуркации*, выводящим на упоминавшееся хреодное развитие. Точка бифуркации будет показана для двух расходящихся траекторий на рис. 2. Среднее геометрическое является и критерием оценки «качества» *четверицы* (см. далее).

⁴⁰ Здесь используется лишь релевантный для нас термин Дж. Форрестера «системная динамика», но не метод. Само же «проигрывание» носит характер мысленного эксперимента и может относиться как ко всей СПС, так и к её отдельным *фрактальным* (страны, регионы) составляющим.

⁴¹ Сам термин «эсхатология» имеющий во многих религиозно-мифологических системах смысл предопределенности судьбы человека характером его жизнедеятельности может и

предполагает цивилизационное развитие на основе диалогической сбалансированности интересов и возможностей социального и природного универсумов. Интересов, которые *синхронно* действуют и в «безопасности для», и в «безопасности от», а *диахронно* телеономически обращены в будущее. Геометрически эсхатология выражается S-образной логистической кривой с бесконечным, но и замедляющимся во времени ростом «интегрированной безопасности», идущей к некоему эволюционирующему пределу возможностей СПС – её *экзистенциальной асимптоте*. В терминологии синергетики это *автопоэзис* – истинное саморазвитие какой-либо сложной системы (в данном случае – СПС) при сохранении её идентичности, совершенствовании и использовании собственных, актуальных для неё ресурсов.

Напротив, отрицательная эсхатология (траектория 2) предполагает разбалансированность интересов социального и природного универсумов, сопряженных с «безопасностью для» и «безопасностью от». Это выражается в хреодной траектории «интегрированной безопасности», которая после быстрого роста завышенных претензий человечества не может поддерживаться потенциалом СПС. Когда ситуация стабилизируется и «интегрированная безопасность» достигнет своей асимптоты минимальности – прогнозировать трудно. Возможно, это произойдет довольно скоро – к моменту наступления технологической сингулярности, которая, по разным оценкам, начнет значимо действовать с 2030–2045 гг. [52]. Человек как *homo vitae sapiens* «растворится» в мире технологий и прежние – антропоориентированные – понятия безопасности

непонятной ему самому, но известной силам космоса, сущностно точно передает тип возможных траекторий цивилизационного развития по «интегрированной безопасности». Траектории таковы как это заслуживает порождающее их человечество, где каждое последующее состояние во многом предопределено предыдущим состоянием безопасности. Это – *path dependence* (англ. – зависимость от пути), которая незаметно институализирует человечество.

потеряют смысл. В целом произойдет невиданная профанация таинства универсума (его *очарования* – Э. Морен), или, по теории макросдвига, – фаза его *провала* [20, с. 24].

НОВЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК «ИНТЕГРАТОР» СОЦИОПРИРОДНОГО РАЗВИТИЯ

Но так ли уж безнадежна судьба нашей цивилизации в ракурсе отношений социального и природного универсумов? Ведь, прежде всего, существуют *доктрина* устойчивого развития, действующая под эгидой ООН ⁴². Есть масса международных научных и общественных организаций, исследующих состояние мира и призывающих к иному, холистически-целостному, связанному с судьбой мира, человеческому бытию, и, наконец, то затухающее, то разгорающееся движение антиглобализма включающее и экологическую составляющую. Но, похоже, подобным инициативам – причем любого уровня их представленности – так и суждено оставаться только инициативами, пробоксовывающими на месте. Тому есть основная причина как-то не принимаемая во внимание. Разберемся в её сути.

Так, адекватное разрешение отношений между социальным и природным универсумами, состоит, как показано, в их *диалогичности*, заложенной в концепции УР, понятой в ключе второго начала фундаментальной онтологии и постнеклассической науки. Геометрически, подобное УР передается S-образной логистической кривой, передающей эволюцию *изменений* (не обязательно непрерывного роста) корректно отраженных *возможностей* природного и *действительных потребностей* социального универсумов ⁴³. Её альтернатива – хреодная траектория, порожденная пароксизмом необузданных стремлений «нового человека» с его могущественным технаукотическим инструментарием. Поэтому в экзистенциальном плане УР требует отказа от *того* «нового человека», который, как теперь становится ясно, стал несоразмерно высокой ценой преодоления Великой Депрессии. Отсюда ключевым становится *переоткрытие иного* «нового человека», или задача «заново "изобрести" человека» (Т. Берри) ⁴⁴.

⁴² Как отмечалось, доктрина исходно неадекватна относительно своей цели в силу заложенного в ней первого начала.

⁴³ «Устойчивое развитие, под давлением ин(на)новационной истерии, в которую впало потребительское общество, начали толковать превратным образом как непрерывное и всё ускоряющееся» (В. Кутырёв).

⁴⁴ Переоткрытие – открытие, опирающееся на новое понимание *того*, что ранее в силу многих обстоятельств, прежде всего культурно-цивилизационных, воспринималось некор-

Если брать более широко, то такая концепция УР для своей гарантированной реализации требует соответствующего институционального обеспечения. Подобное обеспечение в нынешней цивилизационной ситуации не может быть взято в «готовом виде» и лежит значительно глубже, чем предписанность некими международными договорами – они исходно будут обречены на *имплементационную недееспособность* (как, к примеру, Киотский протокол). Тут, если продолжить мыследеятельностную «интригу», проблема институализации УР сопрягается с *концепцией корректных отношений уже внутри самого социального универсума* (вспомним двойную спираль ДНК), его адекватного состояния. Отсюда вторая (социально-политическая) концепция приобретает относительно рассмотренной первой некий приоритет *primus inter pares* и должна быть понята как проблема необходимости новой глобальной социально-политико-экономической формации – по сути цивилизационного «интегратора» корректного социоприродного развития. Т.е. когерентно переоткрытию *иного* «нового человека», ввиду явной тупиковости связанного с *прежним* «новым человеком» модели нынешнего либерально-рыночного глобализма, требуется и *переоткрытие иной* политической системы, способной «предъявить» *иного* человека⁴⁵. Причем, что необходимо, системы не только сохраняющей даже в своем названии глубинные смыслы человеческого бытия, но и открытой к активации новых смыслов и действий, востребованных идущей к пропасти эпохе. Раскрывая «интригу» – это должна быть система *нового социализма* «который будет нести полное освобождение во всех областях жизни» (Э. Мандель). Концепт *такого* социализма (социализма *второго типа*) в противовес современному ему *тоталитарному* социализму в общих чертах был сформулирован К. Ясперсом еще в 1940-х годах [47]⁴⁶.

ректно, было невостребовано своим временем и забыто, или же само ещё «не созрело» до своей сущности.

⁴⁵ Забегая одновременно вперед в работе и озираясь на настоящее, скажем – системе не так забытой ввиду своего глубокого идейного кризиса и тихого развала нынешним *бесхребетным социумом* (аллюзия на Х. Ортегу-и-Гассета), как и предаваемой принудительному забвению «отцами» социума, в том числе и ввиду её «немодности». Более того – дискредитирующей себя и новыми догмами фрондирующих теоретиков системы, и их скрытой приверженностью к прежнему тоталитаризму, а не реабилитацией системы способностью решать *злободневные проблемы и потребности человечества* [53]. В лучшем случае о системе стыдливо говорится как о «посткапитализме» [25, с. 31].

⁴⁶ Напомним, что *прежний социализм* – преимущественно с позиций теорем Гёделя – был рассмотрен нами ранее как попавший в ловушку «простоты и ясности». Был представлен и *капитализм* (ставший ныне либерально-рыночным глобализмом), увязший в ловушке «сложности и противоречий», но, как-будто не способный (не желающий – страшно?) это

Общее представление концепта, точнее «пред-концепта», поскольку Ясперс представил его в эскизном, незаконченном виде, возможно лишь как его философская *реконструкция*. Она показывает, что концепт должен был бы опираться на второе начало фундаментальной онтологии Хайдеггера как на свою *метатеорию* [27, с. 13]. *Основным же вопросом* концепта должна была быть истина используемых им корневых *смыслов* существования человечества: коллективизма, социальной справедливости, реального гуманизма и солидарности [9]⁴⁷. Поэтому ключевая интенция смыслов социализма – *быть* в них. Быть в понимании верности своей исходной органичной человеческой идентичности, а не быть тем, «чем я владею и что потребляю» [35, с. 40] в мире либерально-рыночного глобализма. Или, иными словами и с позиций фундаментальной онтологии, находиться в аутентичном *здесь-бытии*.

Графически (подобно графическим интерпретациям УР) как мыследеятельностьный конструкт (т.е. не указывающий конкретные политические процессы его реализации) и опирающийся на воссоздание концепта социализма второго типа, *концепция социализма* может быть представлена *четверицей* (рис. 3). Четверица социализма имеет свои генетические истоки в *Четверице* Хайдеггера и изоморфную ей структуру [27, с. 18–20]⁴⁸. Поэтому структура четверицы социализма содержит маркеры (полю-

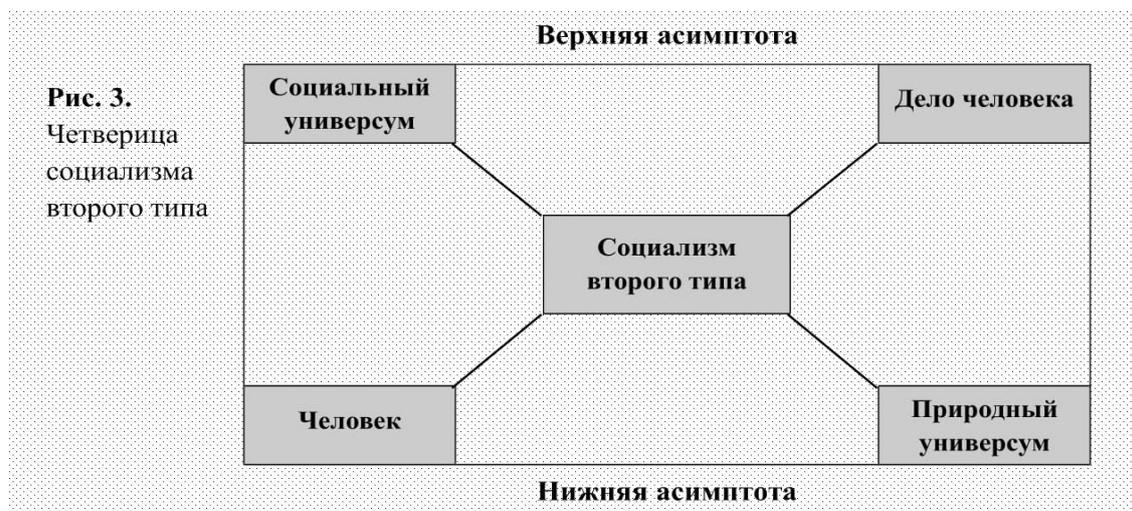
признавать. «Ловушечность», как было показано, определялась тем, что и прежний социализм, и нынешний капитализм генетически связаны одним и тем же мировоззрением – *мировоззрением первого начала*. В этом отношении *новый, будущий социализм*, свободный от гёделевских ловушек – не некое промежуточное состояние между социализмом и капитализмом (вспомним популярную тему времен перестройки: «взять лучшее от социализма и капитализма»). Новый социализм должен быть *ортогонален* относительно ловушек, сопрягаясь с «вертикальным» *мировоззрением второго начала*. Иначе – по Гёделю – новый социализм попросту *не осуществим*. В таком ракурсе теоремы Гёделя действуют как *первое* – формально-логическое – *условие* возможности нового социализма.

⁴⁷ Отсюда ведущий вопрос концепта – действительность институтов, обеспечивающих пребывание в смыслах социализма [27, с. 16]. Или то, что не рассматривается нами в социально-политической концепции. Это уже вне дискурса нашей социоприродной проблематики.

⁴⁸ Отметим, что Четверица (*Geviert* – нем.) – один из ключевых подходов в представлении философии другого начала Хайдеггера. Мэтр неоднократно обращался к идее Четверицы (так – с прописной буквы – и писал), всякий раз выражая её предельно (и необходимо) метафорически [39]. В Четверице геометрически (напомним о геометризации науки и философии используемой и нами) раскрывается пространство *онтологически уместного* для человека мира, «генерируемого» бытием/*Sein*, как центральным компонентом Четверицы. Важно, что в Четверице преодолевается ставшая догмой тринитарная диалектика Гегеля: тезис → анти-тезис → синтез, действующая на онтологическом (метафизическом) уровне и дающая в его кодах рационально интерпретируемый результат как однозначно позитивный и гомогенный. В нём не может быть структурирования на взаимосвязанные категории органично простого и

са) своего пространства – *социальный универсум, природный универсум, человек и дело человека*. Они связываются между собой через центральный компонент (собственно, социализм второго типа, а в метафорическом понимании – «интегратор»). Четвертица ограничивается двумя горизонтальными асимптотами, на которые выходят пары маркеров. «Лицо» нового социализма, онтологически представляемого четвертицей, определяется рядом её базовых свойств.

Во-первых, асимптотами, где верхняя – «трансцендентомерная», обозначает уровень корневых смыслов социализма, благодаря которым социализм и есть «социализмом». Нижняя – «феноменомерная» асимптота определяет уровень той «реальной» реальности, которая характеризует социализм в действительности его задач и намерений. Таким образом, асимптотами четвертицы формируется пространство бытийных свойств нового социализма – от благородной непостижимости трансцендентного до «почвенной» простоты реального. Свойств свободных как от вульгарной банальности современности, так и её функциональной претенциозности в *гиперреальности* (Ж. Бодрийяр).

Во-вторых, смыслами самих маркеров четвертицы, которые даются в полноте своих сущностных, нередуцированных свойств в их «субстанциальной насыщенности». Так, если человек – это *homo vitae sapiens* (в понимании его «не-киборжности», «не-трансгуманистичности»), то дело человека – реализуемая пассионарность человека, где он осуществляет своё *богочеловеческое творчество*, – по Н. Бердяеву, или хо-

необходимо сложного, дополняющих друг друга. Результат – «гарантированный» линейный прогресс, прогрессизм. Поэтому принцип Четвертицы характеризовался мэтром как «не три в последовательной динамике, но четыре одновременно-сопряженных». Посредством Четвертицы мир *ретерриториализируется* (Ж. Делёз, Ф. Гваттари), заново обретая себя в новых возможностях и необходимой полноте.

заяствование, – по С. Булгакову ⁴⁹. Смыслы маркеров определяют суть их попарного *диалогического* взаимодействия по линиям связи через центральный компонент, который своими институциональными свойствами «социалистичности» *доопределяет* характер диалогичности. Так, если первую пару образуют сопряженные маркеры социального и природного универсумов, то без центрального компонента, но при организации их корректного взаимодействия, они существуют еще в кодах первой (*органичной*) концепции и соответствуют УР. Соотнесенность же этих маркеров через центральный компонент определяет их взаимодействие уже во второй (*социально-политической*) концепции в *свободной необходимости* (такой не-оксюморон) друг для друга, которая выражала бы «единый добрый мир» (по Маслоу), или «мировой порядок» (по Ясперсу) ⁵⁰. Подобно и во второй паре, где в четверице через центральный компонент соотносятся маркеры человека и дела человека, результат диалогического взаимодействия можно представить как «обогащающе-творческое созидание в мире», когерентное скрытым возможностям универсума в его органичной идентичности и самооценности.

Интересно, что суть подобной созидательности сакрально-христиански передается Бердяевым как *третье откровение* – *антропологическое откровение творчества*, в котором человек только и может сполна раскрыться [4, с. 329]. Третьему откровению должны предшествовать первое – Ветхого Завета Библии, дающее людям *закон* (собственно, понимание того, что хорошо, а что плохо), и второе откровение *искупления* в Новом Завете, снимающее с человечества бремя греховности и предоставляющее человеку *свободу* для благих дел. Причем когда и первое, и второе откровения даются Богом «в готовом виде», то третье откровение творчества, по Бердяеву, Бог ждет от человека. Если перевести это на язык рассматриваемых концепций, то первому откровению будет соответствовать УР с его *безопасностью* возможностей социума (что хорошо, а что плохо). Второму – социально-политическая концепция с её «единым добрым миром» и свободной необходимостью (необходимостью свободы) человеческого поведения, а не его незаметной предписанностью технаукомиче-

⁴⁹ Определение социального универсума и природного универсума было дано нами ранее в примечании еще не в форме маркеров. Причем, что сущностно важно, если маркеры социального и природного универсумов действуют в некой *массово-целостной* форме, то маркеры человека и дела человека – в *единично-целостной*.

⁵⁰ Образно говоря, так должно было бы выглядеть УР при новом социализме.

ской «матрицей». Поэтому третье откровение соотносимо с «обогащающе-творческим созиданием в мире» диалога маркеров человека и его дела⁵¹.

В-третьих, «лицо» нового социализма должно иметь целостный характер, что определяется *содержательной фрактальностью*, некоей представленностью каждого из маркеров четверицы во всех остальных. Подобная фрактальная представленность выражается в особой онтологической «эмпатии» между маркерами, когда каждый маркер – с органичной уместностью – «чувствую» необходимость, безразличие иных маркеров «представляет» себя в них⁵². К примеру, человеку безразличны как природный (в его самооценности и экологической неущербности) и социальный (морально и физически здоровые, *коммуницирующие между собой самости* – Ясперс) универсумы, так и дело человека (пространство его потенциальной созидательности). Поэтому человек «заявляет» себя в данных маркерах, «присутствует» в них. Напротив, природному универсуму необходимы адекватные человек (как личность, не охваченная страстью к сверхпотреблению и безответственному экологическому экспериментированию), социальный универсум (как общество критически-опережающего мышления, не одержимое идеей пересотворения мира) и дело человека (как то, что своей направленностью не приведет, во всяком случае, мир к мировой катастрофе). Соответственно, природа по-своему «заявляет» себя в других маркерах (вспомним: «Не то, что мните вы природа ...»). Отсюда *содержательная фрактальная «эмпатия»*

⁵¹ Отметим, что откровения у Бердяева действуют с позиций *метасистемного перехода*, надстраиваясь одно над другим: «Закон начинает борьбу со злом и грехом, искупление завершает эту борьбу, в творчестве же свободном и дерзновенном призван человек творить мир новый и небывалый, продолжать творение Божье» [4, с. 331]. Подобная метасистемность также обнаруживается, если «расплести» двойную спираль концепций в четверицу. Причем можно говорить о двух типах надстраивания: «внешнем» и «внутреннем». «Внешне» вторая концепция надстраивается над первой – «если вообще не будет жизни, то какой социализм?», хотя и «только *новый социализм* может обеспечить продолжение нормальной жизни как таковой». «Внутренне» метасистемный переход действует во второй (социально-политической) концепции относительно пар маркеров четверицы, где над парой социальный универсум ↔ природный универсум надстраивается пара человек ↔ дело человека. Творить может лишь отдельный человек. Далее напомним, что в метасистемном переходе «то, что надстраивается» не только открывает для себя новые возможности относительно того «над чем надстроено», но и оказывает на него обратное влияние. Это действует и в представленных откровениях по Бердяеву, и в двойной спирали концепций.

⁵² Разумеется, в понятиях «заявленность», «представленность» и «чувствование» не идет речь о каком-либо *гилозоизме*. Здесь же можно использовать метафору «избирательного сродства» – предполагавшейся химией XVIII века склонности одних веществ соединяться с другими, отдавая им предпочтение (метафору, взятую И.-В. Гёте для названия одного из своих романов).

маркеров четверицы, свойство их «избирательного сродства», с одной стороны, органично конфигурирует структуру диалогичности четверицы, определяя её *основной* и *два иных* возможных дополнительных вариантов⁵³. С другой – посредством фрактальной «эмпатии» маркеров выявляет себя и их «субстанциальная насыщенность» в возможных пределах от близящейся к отсутствию до приближающейся к своей полноте (при условной квантификации маркеров, изменяющихся от малых до больших величин). Поэтому, если говорить с мыследеятельностных позиций о четверице как о сущностном проекте нового социализма, то он, во-первых, должен быть «ненулевым» в смысле того, что каждый из маркеров обладает достаточным уровнем «субстанциальной насыщенности». В ином случае при фрактальной взаимосвязи маркеров, четверица, по закону среднего геометрического, «схлопнется», превратится в *ничто*. Во-вторых, маркеры четверицы должны быть близки по своей «субстанциальной насыщенности». Это определяет необходимую *гармоничность* четверицы и стоящего за ней нового социализма, свободного от *знаковых перекосов* нынешнего либерально-рыночного глобализма⁵⁴. В таком дискурсе синергетика фрактальности действует как *второе* (после формально-логического «теста на Гёделя») – синергетически-онтологическое – *условие* возможности нового социализма. Или, если брать шире, – вообще достойной жизни человечества в любую эпоху.

Однако наше время – эпоха не только масштабного и шумного пересотворения мира, когда всё велит и соблазняет: дело надо делать технаукомическое, грандиозное и заманчивое, которое как-то само собой получается. Это и время связанного с пересотворением великого цивилизационного апломба. Подобный апломб никак не вписывается в обычный, несколько перефразируя Ф. Ницше, *божественный род наивности*, измышление которой должно было бы возбуждать зависть других эпох

⁵³ Можно провести известную параллель сходства между органичной структуризацией четверицы социализма и явлением синергетической самоорганизации, именуемым *ячейками Бенара* с их правильной геометрической формой. И в том, и в другом случае, некая сущность (четверица с её «социоприродной субстанцией»), или субстанция физическая (вязкая жидкость) при ненасильственном, направляющем человеческом действии – осмысление в четверице, физический опыт с жидкостью – позволяет сущности проявить себя вовне, оставаясь тем, чем она есть.

⁵⁴ Перекосы нынешней цивилизации – уже не просто «родимые пятна капитализма», по Марксу, связанные с характером общественных отношений и природой человека. Это новая *текущая современность* [3], постепенно, бытийно и технаукомически выкристаллизовывающаяся *так* (куда там ячейкам Бенара!), что в пределе человек становится «чужим самому себе» (Ю. Кристева). А известные слова Р. Люксембург могли бы прозвучать по-другому, но вполне актуально: «Новый социализм или новое варварство».

[24, с. 286]. Такая эпоха для последующего сравнения теперь может просто и не наступить – «времени уже не будет». Но не потому, что «совершится тайна Божия» и в мире ничего не останется неосуществившегося, всё будет явлено, и переход к чему-либо другому больше не потребует ожидания (как в Апокалипсисе). Здесь, в сплошь рационализованном мире технаукомики, по сути, некому и нечему будет «временить» (Хайдеггер), жить в своей органичности – ни человеку, ни природе. И это вполне серьезно – для того, кто в наши дни еще сохранил представление о серьезности.

Литература

1. *Акчурина И.А.* Причины телеономические и формообразующие: первые шаги в рациональном понимании / Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. – М.: Наука, 2002. – С. 39–51.
2. *Арнольд В.И.* Теория катастроф. 3-е изд. доп. – М.: Наука, 1990. – 128 с.
3. *Бауман З.* Текущая современность / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека / Философия свободы. Смысл творчества – М.: Изд-во «Правда», 1989. – С. 251–580.
5. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура / Пер. с франц. – М.: Республика; Культурная революция, 2006. – 269 с.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1986. – 623 с.
7. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Ин-тут русской цивилизации, 2009. – 464 с.
8. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.
9. *Гребенник Г.П.* Парадигма социалистического стиля мышления // Вісн. Одеського нац. ун-ту. – Т. 12. – Вип. 6: Соціологія і політичні науки. – Одесса: Астропринт, 2007. – С. 382–391.
10. *Дорогунцов С.І., Ральчук О.М.* Сталий розвиток – цивілізаційний діалог природи і культури // Вісн. НАН України. – 2001. – № 10. – С. 16–32.
11. *Дорогунцов С.І., Ральчук А.Н.* Управление техногенно-экологической безопасностью в контексте парадигмы устойчивого развития. – Киев: Наукова думка, 2002. –

200 с.

12. *Дорогунцов С.И., Ральчук А.Н.* Хозяйствование – синергетический инвариант. – Киев: Оріяни, 2006. – 228 с.

13. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. – М.: Астрель, 2008. – 576 с.

14. *Зиновьев А. А.* Фактор понимания. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2006. – 528 с.

15. *Зомбарт В.* Собран. соч. в 3-х т. – Т. I / Пер. с нем. // Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека – СПб.: Владимир Даль, 2005. – 637 с.

16. *Клини С.К.* Введение в метаматематику / Пер. с англ. – М.: Изд-во иностран. лит., 1957. – 527 с.

17. *Курдюмов С.П., Князева Е.Н.* Структуры будущего: синергетика как методологическая основа футурологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nonlin.ru/node/218>.

18. *Кутырёв В.А.* Последнее целование. Человек как традиция. – СПб.: Алетейя, 2015. – 312 с.

19. *Лайтман М., Ласло Э.* Вавилонская башня – последний ярус. – Иерусалим: Издат. группа kabbalah.info, 2007. – 232 с.

20. *Ласло Э.* Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Пер. с англ. – М.: Время знаний, 2011. – 208 с.

21. *Майнцер К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 464 с.

22. *Некlessа А.И.* Люди воздуха, или Кто строит мир – М.: Ин-тут экономич. стратегий, 2005. – 224 с.

23. *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. – М.: Культурная Революция, 2005. – 880 с.

24. *Ницше Ф.* Соч. в 2-х т. – Т. 2 / Пер. с нем. // По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. – М.: Мысль, 1996. – С. 238–406.

25. *Ойзерман Т.И.* Марксистская концепция социализма и реальный социализм // Вопр. философии. – 2002. – № 3 – С. 16–31.

26. *Перкинс Дж.* Исповедь экономического убийцы / Пер. с англ.. – М.: Претекст, 2008. – 364 с.

27. *Ральчук А.Н.* Карл Ясперс как провозвестник нового социализма: от философии

- другого начала к философии социализма // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://files.library.by/files/1566892378.PDF>.
28. *Ральчук А.Н.* Наведение на резкость. Синергетика современной цивилизации – блеск и нищета пересотворяемого мира 2 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://files.library.by/files/1556001882.PDF>.
29. *Ральчук А., Белов Ю.* Цивилизация XX – XXI – время кризисности и прозрений. Её смыслы и анти-смыслы. – Саарбрюккен: Издат. Дом LAP LAMBERT Academic Publishing, 2015. – 148 с.
30. *Седов Е.А.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем // *Обществ. науки и современность*. – 1993. – № 5. – С. 152–163.
31. *Слотердайк П.* Критика цинического разума / Пер. с нем. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
32. СССР: незавершенный проект. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 528 с.
33. *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 744 с.
34. *Турчин В.Ф.* Феномен науки: Кибернетический подход к эволюции. – М.: Наука, 1993. – 296 с.
35. *Фромм Е.* Мати чи бути? / Пер. з англ. – Київ: Укр. письменник, 2010. – 222 с.
36. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек / Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
37. *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. / Пер. с англ. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «Люкс», 2004. – 349 с.
38. *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. – М.: Ad Marginem, 1997. – 452 с.
39. *Хайдеггер М.* Вещь / Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 221–238.
40. *Хайдеггер М.* Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938) / Пер. с нем. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2016. – 584 с.
41. *Хайдеггер М.* «Только Бог сможет еще нас спасти...» / Пер. с нем. // Интервью журналу «Шпигель» 23.09.1966 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.heidegger.ru/shpigel.php>.
42. *Хайек Ф. фон* Дорога к рабству / Пер. с англ. М.: Новое издательство, 2005. – 264 с.

43. Хьюбнер Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Пер. с нем. – Минск: Экономпресс, 2006. – 384 с.
44. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М.: Школа Культурной Политики, 1995. – 800 с.
45. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / Пер. с англ. – М.: Изд-во ИЛ, 1959. – 432 с.
46. Юнг К.Г. Синхронистичность / Пер. с нем. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 316 с.
47. Ясперс К. Истоки истории и её цель / Смысл и назначение истории / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1991. – С. 28–286.
48. Ясперс К. Современная техника / Пер. с нем. // Новая технократическая волна на Западе – М.: Прогресс, 1986. – С. 119–146.
49. Deep Ecology for the 21-st Century / Ed. G. Sessions. – Boston – L.: Shambhala, 1995. – 488 p.
50. Jantsch E. The Self-Organizing Universe: Scientific and Human Implications of the Emerging Paradigm of Evolution – Oxford: Pergamon Press, 1980. – 343 p.
51. Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts // Big Data & Society. – 2014. – Vol. 1. Iss. 1. – P. 1–12.
52. Kurzweil R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology – N.Y.: Viking, 2005. – 652 p.
53. Mandel E. Socialism and the Future [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.marxist.org/mandel/1992/07>.
54. Maslow A.H. Motivation and Personality. – N.Y.: Harpaer & Row, 1954. –369 p.

Текст работы публикуется в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации

© А.Н. Ральчук, 2019